

## Часть II

### СЛЕДСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВОИХ И ЧУЖИХ:

#### ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ДИСКУРСИВНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ МИГРАНТОВ

Оксана Карпенко

#### КАК И ЧЕМУ УГРОЖАЮТ МИГРАНТЫ?

##### ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ В «ГОСТЕЙ С ЮГА» И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

##### Использование региональными элитами территориального и национального принципов принадлежности к сообществу «местных»

Многие авторы отмечают противоречивость российской миграционной политики: с одной стороны, чиновники заявляют о следовании России международным нормам регулирования миграции (часто действия федеральных и региональных властей объясняются желанием к ним приблизиться, на федеральном уровне подписываются международные соглашения о защите прав мигрантов), с другой – мигранты систематически оказываются жертвами незаконных действий или бездействия представителей власти. Реализация прав различных категорий мигрантов саботируется<sup>1</sup>. Это касается не только внешних мигрантов – иностранцев и лиц без гражданства, но и граждан России, которым, в частности, отказывается в праве свободно перемещаться по ее территории. Многие из них оказываются в ситуации вынужденной нелегальности<sup>2</sup>. Государство попадает в ловушку деклараций относительно собственной гуманитарной миссии. Будучи неспособным реализовать на деле политические заявления, оно возлагает ответственность за усложнение ситуации на мигрантов. Оказывается, именно мигранты повинны во многих существующих в обществе проблемах (безработица, рост преступности, нелегальная торговля наркотиками, терроризм и т.д.), их присутствие зачастую трактуется как «угроза национальной безопасности». Вот как, например, видится ситуация из перспективы администрации Краснодарского края, на официальном сайте которой в тексте, озаглавленном «Неконтролируемая миграция – угроза безопасности не только для Кубани», мы читаем<sup>3</sup>:

*«Увеличившийся поток мигрантов оказывает давление на инфраструктуру региона. Резко возросла сумма выплат на социальные гарантии. В бюджете возникает недостаток средств на эти цели. Обострилась конкуренция на рынке труда. Мигранты, как более дешевая рабочая сила, вытесняют местное население с рынка труда. Все это в целом вызывает падение жизненного уровня населения и резкое недовольство <...> Нарастает межнациональная напряженность, <...> бытовые конфликты <...> перерастают в межнациональные. <...> Растет преступность, связанная с оборотом наркотиков. <...> Мигранты «отжимают» местное население от выгодных сфер бизнеса (рынки, торговля в целом) <...> Нередки случаи воровства, изнасилований. <...> «Мы должны принять все меры к тому, чтобы эти люди не чувствовали себя у нас так вольготно, чтобы они не ощущали себя хозяевами нашей земли», – это высказывание губернатора Александра Ткачева, обращенное к главам городов и районов, к руководителям силовым структур, <...> можно принять за «наступление на права человека». Но, по сути, губернатор призывал к иному – строгому выполнению российского законодательства. Просто на законы иногда стоит смотреть не с точки зрения «обиженных» и «ущемленных в правах», а с точки зрения тех коренных жителей, чьи права ущемляются реально.»*

<sup>1</sup> Факт уклонения даже не отрицается, он оправдывается отсутствием достаточных для «цивилизованного» решения проблемы средств.

<sup>2</sup> См. статью А.Осипова в этом сборнике.

<sup>3</sup> Администрация Краснодарского края, вып.9, 23 мая, 2002г. <http://admkrain.kuban.ru/news/region/2002-09/4633.html>

Региональные элиты используют территориальный принцип принадлежности к сообществу<sup>4</sup> для ограничения круга лиц, реально или потенциально претендующих на ресурсы, и фактически вводят «ценз оседлости». Применение территориального принципа современными государствами означает, что гражданами могут стать люди, различные по происхождению (национальности), но родившиеся на территории государства или заслужившие право на натурализацию длительным и безукоризненным проживанием на его территории<sup>5</sup>. Когда этот принцип применяют региональные власти, они фактически берут на себя право дифференцировать граждан на «своих» и «чужих», вводят квазигражданские статусы в обход процедур, установленных государством. Оправдание такого рода действий они находят в Конституции и в опыте «цивилизованных» стран:

*Новый мировой подход к миграционной политике можно сформулировать коротко: «Главное – безопасность и процветание родной страны и ее коренного населения». Никого сегодня не возмущают лагеря для незаконных мигрантов во Франции или жесткая американская политика. В два дня демократичные Соединенные Штаты высылают из страны любого нелегала-мексиканца. <...>*

*Давайте обратимся к нашей же российской Конституции. В третьей части 55-й статьи говорится о том, что в определенных условиях права и свободы отдельных людей могут быть ограничены, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Так вот, если под этими «другими лицами» понимать исконно живущих на Кубани людей, то противодействие незаконной миграции – это не благое пожелание, а непосредственное требование нашего же Основного закона<sup>6</sup>.*

Категории «исконно живущие на Кубани», «коренные жители» чрезвычайно интересны с точки зрения наполнения их конкретным смыслом. Они всегда имеют этнический подтекст, однако могут быть использованы по-разному: для обозначения территориального сообщества (и тогда наполнение интернационально) или для обозначения гомогенного с точки зрения происхождения и культуры сообщества (этноцентрично).

Об особенностях использования категории «нелегальный мигрант» или «незаконная миграция» в российском контексте стоит поговорить особо. Многие мигранты, квалифицируемые российскими властями как «нелегальные» (в последнее время все большее распространение получает термин «незаконные мигранты»), не являются нелегалами с правовой точки зрения. Некоторые из них – граждане России, другие – бывшие граждане СССР, граждане СНГ (в отношении которых должны действовать международные соглашения, подписанные Россией, по выражению одной из журналисток, «сторжача»<sup>7</sup>). «Нелегалами» их делает невозможность получить регистрацию по месту жительства. Можно сказать, что передвижение граждан внутри территории государства контролируется по образу международной миграции, требующей от гражданина в каждом новом населенном пункте запрашивать своеобразный вид на жительство. Манипуляция масштабом (национальное государство на Западе и федеральные образования в России) и смыслом, вкладываемым в категории, позволяет местным властям апеллировать к опыту регулирования миграции в странах Запада и, например, примерять к «нелегально проживающим на территории» гражданам такую меру пресечения, как депортация.

Этнизация миграции – сопутствующий такому исключению «приезжих» процесс. Если вновь обратиться к различным принципам принадлежности, то за исключением по критерию срока проживания на территории следует национальное (или этнокультурное) исключение. В случае применения национального (этнокультурного) принципа принадлежности/исключения членство в сообществе ставится в зависимость от «правильности» происхождения человека, от соответствия мифу о культурном или этническом родстве. «Чуждое» этническое происхождение – часто используемый, но – в доминирующем дискурсе – дополнительный аргумент при обосновании необходимости исключения. Можно сказать, что для людей «чуждого» происхождения (например, «кавказцев») вводится более высокий «ценз оседлости». Подобный ценз может быть введен и для «этнически своих». Обоснование необходимости использования национального критерия принадлежности мы находим в апелляции к определенному представлению о природе и конфликтном потенциале «этнической культуры». Она воспринимается как багаж, который человек всегда носит с собой. Его утрата рассматривается как потеря памяти, опасный отрыв от «корней». В социологической литературе такой взгляд на культуру обычно обозначается как *реификация* (или *овеществление*), т.е. «восприятие человеческих феноменов в качестве вещей»<sup>8</sup>. Овеществляя культуру, человек воспринимает ее как чуждую, не подконтрольную ему, внешнюю

<sup>4</sup>Определение территориального и национального принципа исключения из сообщества смотри в статье Т.Бараулиной в этом сборнике.

<sup>5</sup>О территориальном и национальном принципе принадлежности к сообществу смотри статью Т.Бараулиной в этом сборнике.

<sup>6</sup>Администрация Краснодарского края, вып.9, 23 мая, 2002г.

<sup>7</sup>Айрапетова Наталья. Проблема терроризма в России тесно связана с нелегальной миграцией // Независимая газета. 1999. 2 окт.

<sup>8</sup>Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 146. См. также Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002. С. 9–19.

по отношению к его повседневной деятельности фактичность, подчиненную объективным законам природы или истории. Он перестает воспринимать ее как бесконечный процесс производства социального смысла различных действий, а себя как активного участника этого процесса. «Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный»<sup>9</sup>. Таким миром удобно управлять, достаточно убедить, что властителю известны объективные законы природы/истории, но в нем скучно и несвободно жить. К вопросу об этнизации миграции – процедурам приписывания опасностям, исходящим от миграции, этнического смысла, – мы вернемся чуть позже.

Антимигрантский дискурс, сочетающий территориальный и национальный принципы включения в локальное социальное и политическое сообщество, наиболее последовательно используется администрациями Москвы и Краснодарского края. Они действуют в каком-то смысле так, *будто* территории, на которые распространяется их власть, являются отдельными государствами. Их публичные объяснения мотивов дискриминации приезжих схожи с дискурсами, характерными для современных национальных государств, легитимирующих политику ограничения внешней миграции. Между тем Москва и Краснодар – лишь наиболее известные и яркие примеры. Такая вариация антимигрантского дискурса может быть использована и используется другими «игроками». Лежащие в ее основании представления о миграции в определенном смысле санкционированы федеральным центром. По крайней мере они не получают последовательно критических оценок ни от одного государственного института, кроме Конституционного суда, заключения которого, впрочем, никем в расчет не принимаются.

Если региональные элиты, по различным соображениям, но зачастую в целях переключивания с себя ответственности за ухудшение ситуации в регионе или следуя популистским мотивам используют тезис об угрозе миграции, дискурс неизбежно (в российском контексте) производит социально значимые эффекты – дискриминирующие практики. В дальнейшем я постараюсь показать, на чем базируется такая сила антимиграционного дискурса.

#### **Языковые**

#### **игры в «гостей с юга»**

Исследование, материалы которого представлены в данной статье, проводилось в 1997–1999 гг. в рамках коллективного проекта Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) «“Кавказцы” в российском городе: стратегии интеграции на фоне ксенофобии», поддержанного фондом Дж. и К. Макартуров и было сосредоточено на анализе дебатов вокруг так называемых «кавказцев» («лиц кавказской национальности», «гостей с юга» и т.п.) в федеральной и петербургской прессе<sup>10</sup>. Еще более интересным был бы результат анализа телевидения, но такая работа представляется более сложной методологической и технической задачей, чем качественный анализ печатного текста, и может стать темой дальнейшей работы.

Я исходила из допущения, что то, *что* и *как* мы говорим о социальных феноменах (в частности, о миграции), является их неотъемлемой частью. Создавая те или иные репрезентации социальной реальности, мы ее формируем<sup>11</sup>, определяем необходимость и возможные пути воздействия на нее. Для обозначения совокупности смыслов, приписываемых миграционным процессам, и отношений по поводу миграции, (вос)производимых в процессах использования языка, я использую понятие (анти)миграционный дискурс<sup>12</sup>. Меня интересует, какого рода действия провоцируют, оправдывают то или иное представление о миграции. В частности, меня интересует, почему в России так популярно негативное отношение к мигрантам; как происходит нормализация антимигрантских установок «демократически настроенных» людей; какие основания и процедуры включения мигрантов в сообщество «своих» и исключения из него существуют. Другими словами, следует подумать на том, почему многие из нас воспринимают применение к ним «милицейских мер» как вынужденное и легитимное? Возможности ответа на эти и другие вопросы я видела на пути критического исследования языка прессы, в прояснении

<sup>9</sup> Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 147.

<sup>10</sup> В качестве эмпирического материала для исследования было использовано около 300 статей, опубликованных в национальных – «Известия», «Независимая газета», «Общая газета», «Российские вести», «Российская газета», «Сегодня» – и Санкт-Петербургских газетах – «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Невское время», «Петербургский Час Пик» – в 1992–1999 гг. Критерием отбора текстов для анализа было наличие в них «этнических» («армяне», «азербайджанцы», «грузины» и т.п.) и «квазиэтнических» категорий («лица кавказской/южной национальности», «кавказцы», «горцы» и т.п.).

<sup>11</sup> «Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт, <...> анализируя дискурсы, мы видим как <...> высвобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику. <...> Необходимо трактовать дискурсы <...> как практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» (Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 49–50).

<sup>12</sup> Как показывают исследования национал-патриотических изданий, изложенная в данной статье версия антимигрантского дискурса не единственная. Существуют другие варианты, правда большинство из них не имеет потенциала широкого распространения. В данной статье этим словосочетанием я обозначаю одну из версий. Меня интересовало, как идеи исключения мигрантов из сообщества «своих» существуют именно в официальной российской и петербургской прессе.

процедур конструирования мигрантов (особенно меня интересовали «кавказцы») как потенциально/реально опасной группы населения<sup>13</sup>.

Начиная исследование, я полагала, что немалую роль в нормализации антимиграционного дискурса играют различного рода эксперты<sup>14</sup>, редакторы СМИ и журналисты. Именно журналисты (редакторы и т.п.) обладают доступом к средствам массового тиражирования тех или иных моделей понимания социальной реальности. Именно из СМИ большинство населения черпает представления об *обществе*, актуальных социальных *проблемах*, их причинах и допустимых/легитимных способах их решения. Дискурс СМИ (в частности прессы) может быть рассмотрен как один из инструментов контроля знаний, верований и мнений аудитории о событиях, происходящих за пределами хорошо знакомых читателям пространств, о различных категориях людей, социальные контакты с которыми ограничены. Даже не доверяя газетам, телевидению, мы пользуемся предлагаемыми ими моделями интерпретации ситуаций, по крайней мере в тех случаях, когда отсутствует возможность увидеть все своими глазами. Многие представители «большинства» в многонациональных обществах узнают об «эффектах миграции», об этнически релевантных событиях из разного рода «историй», тиражируемых официальной прессой<sup>15</sup>. Негативная репрезентация мигрантов (как и любой другой категории людей) в академическом, политическом, образовательном дискурсе, дискурсе СМИ поощряет как институциональную, так и повседневную дискриминацию этих категорий населения, легитимизирует насилие в отношении них<sup>16</sup>.

В ходе исследования был сделан вывод о существовании по меньшей мере двух конкурирующих дискурсов, предлагающих различные взгляды на присутствие «кавказцев» в «русских» городах, – оборонительном и правозащитном. В контексте доминирующего, широко практикуемого оборонительного дискурса оформляется образ направленной на нас – «русских», «коренных жителей», «истинных петербуржцев» и т.п. – угрозы, исходящей от солидарно действующих, культурно гомогенных, «чужеродных» групп «гостей с юга». (Вос)производство представлений о социальной некомпетентности представителей этих групп, их неспособности и/или нежелании адаптироваться к жизни в *нашем* обществе становится основанием для легитимации различных форм бытовой и институциональной дискриминации. В основании гораздо менее популярного правозащитного дискурса заложена идея приоритета индивидуальных прав человека, делается акцент на обсуждении вопросов защиты прав социально слабых и исключенных категорий населения, проблемы дискриминации рассматриваются в категориях опыта конкретных людей. В данной статье я сосредоточусь на описании дискурса оборонительного.

Анализ показал, что значительная часть обвинений в адрес «гостей с юга» обращена к ним как к *мигрантам* («не местным», «пришлым», «гостям»), упоминание особенностей этнической культуры и менталитета лишь усиливает негативные смыслы, привязанные к категории «гость» (особенно, конечно, к категории «незванный гость»). В следующей части статьи я постараюсь показать, как территориальный и национальный принцип исключения из сообщества «местных» работает в российском контексте. Сначала я разберу метафору «Россия – дом – не проходной двор», которая является инструментом, с помощью которого обосновывается необходимость введения регионального «ценза оседлости». На примере обращения с категорией «мигранты», «незаконные мигранты» я покажу некоторые повседневные (вос)производимые процедуры отказа от соблюдения норм формального права и его подмены обычным правом. Затем рассмотрю процедуры нормализации исключения по национальному (этнокультурному) признаку.

### Антимигрантский дискурс

Использование метафоры «Россия/Москва/Кубань и т.п. – наш дом – не проходной двор» имеет большое значение для популяризации антимигрантского дискурса. В этой метафоре выражено стремление упростить феномен миграции, сделать его понятным каждому человеку: Россия – дом, коренные жители – хозяева, мигранты – гости. Использование этих метафор определенным образом организует восприятие миграционных процессов и отношений, связывающих «мигрантов» с «местным населением»: при помощи категории «гость» происходит гомогенизация и дискриминация «приезжих», подчеркивается их подчиненное положение на территории; через категорию «хозяин» происходит легитимация доминирующего положения «местного/коренного населения». Многие люди используют эту метафору, чтобы оправдать действия в отношении людей, определяемых ими как мигранты. Можно предположить,

<sup>13</sup> См. также Карпенко О. «... И гости нашего города...» // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 468–475; Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 162–193.

<sup>14</sup> См., в частности, Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова, СПб., 2002.

<sup>15</sup> ван Дейк Т.А. Расизм и язык. М., 1989.

<sup>16</sup> ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989; ван Дейк Т.А. Расизм и язык. М., 1989.

что это связано со слабостью гражданской, правовой культуры и глубокой социализацией в эссенциалистских навыках мышления. Между тем использование этих категорий как метафор социальных отношений – «нация как семья», «государство/город как дом» – представляет собой переосмысление публичных, анонимных отношений, связывающих людей в обществе, в категориях частных, персональных связей.

«Дом» vs «проходной двор». Проходной двор – это ничье, открытое для всех желающих, общее пространство. Используемое в качестве метафоры государства, города или региона, это выражение обретает негативный смысл, становится знаком неправильно организованного дома, разрушаемого стихийным, неподдающимся контролю со стороны хозяев движением гостей.

*«Говорят, бороться с нелегальной миграцией невозможно и что окончательной победы над ней не добились даже самые богатые страны. Да, это так, но это не означает, что Россия и дальше должна быть для всех перелетных птиц удобным и бесхозным проходным двором, где удобно селиться и гнездиться целыми семьями, кланами и даже районами в течение целого десятилетия (при этом изменения в демографической ситуации нашу власть тоже не волнуют)...»*  
(Независимая газета. 1999. 2 окт.).

Дом в подобном оборонительном контексте – прежде всего, метафора по-хозяйски устроенного государства/города, в котором производится постоянный мониторинг миграционного поведения гостей и справедливо (в интересах хозяев) ограничиваются их возможности в различных сферах жизни. Проходной двор представляет собой альтернативную и неприемлемую с точки зрения хозяев модель организации жизни. Одной из важнейших характеристик проходного двора, делающей его непригодным для постоянного проживания, оказывается отсутствие реальных границ и, как следствие, его бесхозность. В этом пространстве хозяин утрачивает власть и гости начинают хозяйничать, т. е. принцип справедливости, в соответствии с которым гость не может претендовать на роль/ресурсы хозяина, нарушается.

Такая проблематичная для хозяев ситуация, оказывается чрезвычайно удобной для гостей: у них появляется возможность «удобно селиться и гнездиться», «без труда переезжать в любых направлениях», «скрываться от контроля» и т.д. При этом свободный приезд «всех без исключения граждан СНГ», «кавказцев, равно как и жителей других государств...» связывается с преступлением: «"Прозрачность" границ <...> позволяет без труда переезжать в любых направлениях и скрываться от контроля со стороны правоохранительных органов». В таких высказываниях фактически происходит отождествление реализации права на свободу перемещения с правом безнаказанно совершать преступления. Из этой перспективы свобода перемещения, естественно, должна рассматриваться как ресурс преступников, внимание к другим аспектам этого права может быть оценено как сознательное или неосознанное пособничество преступникам. Успех в борьбе с преступностью связывается с жестким контролем за перемещением гостей.

Опасность неконтролируемого передвижения гостей в доме дополнительно подчеркивается использованием метафор различных разрушительных стихий: «Девятый вал международного терроризма обрушился на Россию вместе со штормовой волной нелегальной миграции» (Независимая газета. 1999. 2 окт.), «Наш город буквально наводнили кавказцы» (Смена. 1997. 16 дек.). Использование этих метафор превращает мигрантов в разрушительную силу, бороться с которой можно только силовыми методами. В этом контексте могут быть признаны легитимными любые средства борьбы со стихией, так как без решительных мер хозяева потеряют собственный дом.

Сохранение порядка в доме обеспечивает успешная контролирующая/карающая деятельность правоохранительных органов. Последние дискурсивно закрепляют за собой роль представителей и защитников интересов местного населения, законопослушных граждан. Поддержание порядка увязывается со способностью этих органов контролировать перемещение людей и регулировать количество нежелательных лиц в пространстве дома. Уход какой-либо категории людей из-под контроля или свободный режим передвижения по территории описывается как опасное поведение, реальная или потенциальная угроза дому и его жителям. В этих условиях административное запрещение поселения мигрантов в городах или регионах рассматривается как единственная гарантия нормальной жизни для местных: защита дома от потенциальной (прогнозируемой) угрозы со стороны гостей – приоритетная задача хозяев.

«Хозяева» vs «гости». «Хозяин» и «гость» представляют собой парные категории<sup>17</sup>. Человек, которого помещают в «хозяйско-гостевую» систему координат, в каждой конкретной ситуации должен оказаться одним из двух: «хозяином» или «гостем». Одновременное использование в процессе описания человека (или группы лиц) обеих категорий – «гость заявляет, что он здесь хозяин», «гости ведут себя по-хозяйски» –

означает оценку позиции данного человека/группы как проблематичной. Назвать «хозяйским» поведение «гостя» – значит негативно оценить его действия, сообщить о несправедливости его претензий.

*«Традиционно Россия (а уж Петербург – в особенности!) была домом для людей всех рас и вероисповеданий. Но если гость приходит в ваш дом с целью пожить и, едва войдя, заявляет, что он здесь хозяин, поставить на место – дело чести любого уважающего себя человека» (Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 27 окт.).*

В основании концепции порядка в доме лежит представление о правильных отношениях между *хозяевами* («коренными жителями») и *гостями* («приезжими»). Гостя и хозяина связывают отношения субординации, в которых хозяину отведена доминирующая, а гостю подчиненная роль. Хозяину принадлежит неотъемлемое право жить в своем доме, приглашать в него гостей и выгонять тех из них, кто ведет себя неподобающим образом; право устанавливать правила жизни в доме. Гость должен соблюдать требования хозяев.

Ограничение возможностей гостей в нашем доме рассматривается как насущная потребность. Неподконтрольная и/или не одобренная хозяевами активность интерпретируется как попытка перевернуть отношения субординации, стремление нарушить баланс сил в свою пользу, как претензия на распоряжение ресурсами, «по праву принадлежащими хозяевам». Индивидуалистические мотивы поведения хозяев рассматриваются как естественные, гости же не могут руководствоваться соображениями личной выгоды или должны разделить доходы от такой деятельности с «местными». В этой связи довольно часто возникает тезис об увеличении нагрузки на социальную сферу государства/региона в связи с появлением мигрантов. Предполагается, что большинство из них находится в доме нелегально и не желает обретать статус, в частности, в целях укрывания от уплаты налогов<sup>18</sup>.

Повседневная концепция справедливости, актуализирующаяся при использовании метафоры «дом», – это концепция неравного распределения ограниченных ресурсов, накопленных в «доме». Такие блага, как жилье, работа, доступ к социальному, медицинскому обеспечению и т. п., описываются как естественно ограниченные («*всего этого и петербуржцам не хватает*» (Смена. 1995. 29 июля), поэтому должна существовать процедура отбора людей, имеющих к ним доступ. На вершине иерархии оказываются хозяева и люди, соблюдающие условности<sup>19</sup> – «укорененные». Они имеют заслуги перед домом и сообществом хозяев: они (или их предки) всю жизнь работали, платили налоги и таким образом вносили свой вклад в стабильность и правопорядок в доме. Гостям же приписывается желание поправить свое материальное положение «за наш счет», сознательное уклонение от соблюдения наших правил (они, например, торгуя на рынках, получают наши деньги и увозят их к себе на родину, не заплатив налоги и т. п.). В целом использование категорий «местные», «коренные» представляют собой процедуру дискурсивного надления привилегиями доступа к ресурсам, накопленным в доме, а категорий «некоренные», «приезжие», «гости» и т. п. – способ легитимации действий, ограничивающих возможности людей.

Соблюдение «устава» «коренного населения» формулируется как универсальное правило организации нормальной жизни в доме. Несоответствие поведения гостя новым требованиям, рассматривается как провокация. Гость рассматривается как виновник конфликта, а хозяин – как втянутая в него жертва.

*Миграция как хождение в гости.* Рассмотрение миграционных процессов по аналогии с *хождением в гости* избавляет авторов как от необходимости объяснения социальной природы и последствий миграционных процессов, так и от анализа связи между ними и другими процессами (в частности, с ростом преступности). Сложные отношения и процессы сводятся к примитивным формулам («нельзя соваться со своим уставом в чужой монастырь», «если гость пришел к вам в дом и заявляет, что он здесь хозяин, поставить его на место – дело любого уважающего себя человека»), оправдывающим применение государственного принуждения для защиты *интересов* определенной категории населения. В этих формулах подчеркивается граница «местные» – «приезжие» и нивелируются различия внутри этих категорий; «хозяевам» («местным/коренным жителям») предписывается доминирующее, «приезжим/некоренным» – зависимое положение; негативно оцениваются претензии «не местных» на ресурсы «дома» и

<sup>18</sup> Связь между легализацией мигрантов и пополнением бюджета региона выглядит как очевидная. Однако регистрация (как подтверждение легального статуса) сама по себе не предполагает постановки на учет налоговыми органами.

<sup>19</sup> Условностью Макс Вебер называет «обычай», который считается в определенном **кругу людей** «значимым» и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. <...> Следование «условности» (в обычном смысле слова), то есть необходимость придерживаться принятой манеры приветствия, одежды, определенных границ в общении по форме и содержанию, весьма серьезно «ожидается» от индивида как обязательное соответствие принятым образцам и отнюдь не предоставляется его свободному решению <...> Гарантией условности может быть не **только** порицание, но <...> меры принуждения. Решающим здесь является то, что такие (часто жесткие) меры принуждения применяет отдельный человек именно в качестве конвенционального порицания, а не специально предназначенная для этого **группа людей**» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 640–641).

позитивно оценивается (как «справедливая» и «обоснованная») деятельность «местных», ограничивающих возможности «приезжих».

Использование данной метафоры позволяет рассматривать «Россию», «Петербург», «Москву», «Волгоградскую область» и т. д. как частное жилище, в котором между «хозяевами» («местными/коренными жителями») и «гостями» («мигрантами», «приезжими») устанавливаются отношения, регулируемые *обычаем*. Рассмотрение миграционных процессов в терминах «хождения в гости» позволяет актуализировать индивидуальный опыт общения с гостями и спроецировать его на ситуацию с мигрантами в городе/стране. На мигрантов распространяются правила «хождения в гости»: основанием прихода должно быть приглашение хозяина, если гость *незванный*, то хозяин имеет *моральное право* не впустить его в дом или выгнать; гость должен быть лоялен хозяевам, ему следует воздерживаться от нарушения установленных правил, от любого не санкционированного хозяевами вмешательства в дела дома; если гость не может смириться с правилами, существующими в доме, то он должен сам отказаться от посещения дома («не нравится – не приходи») и т. д.. При этом миграция из области формально правовых отношений перемещается в мир *условностей* (М. Вебер), где границы возможных действий определяются неформально, в соответствии с представлениями о значимых для какой-то категории людей *обычаях*.

Рассмотрение государства как частного жилища, с одной стороны, позволяет признать за официальными структурами, исполняющими роль хозяев в государстве, право опираться в своих действиях по отношению к мигрантам на неформальные правила (или обычаи), как это делает любой хозяин, к которому в дом пришел гость (в том числе и незванный). Это ведет к пренебрежительному отношению к писаному праву, оправданию его нарушений стремлением соблюдать интересы «местных», закреплению приоритета моральных обоснований действий. Например, нежелание петербургских властей давать статус беженцев людям, на него претендующим, объясняется просто: «*Понятно, конечно, желание городских властей оградить себя от лишней социальной напряженности – ведь беженцам нужно и жилье, и работа, и социальное обеспечение, а всего этого и петербуржцам не хватает*» (Смена. 1995. 29 июля). Нарушения Закона «О беженцах» допустимы, поскольку разрешают противоречие, существующее между содержащимися в нем требованиями и интересами «хозяев»/«петербуржцев».

Если же «хозяином» является каждый из «местных», то «гостям» предъявляется требование подчиняться не только представителям государственных служб, осуществляющих надзор за соблюдением порядка, но и каждому из нас («местных», «истинных петербуржцев» и т. п.) в отдельности. Возмущение по поводу нарушения «гостями» отношений субординации («наглость», «крикливость» и т. п.) рассматривается как «понятное» и «справедливое». Насилие как средство восстановления порядка не только оправдывается, но и предписывается «уважающему себя человеку». Гость, на которого направлены такого рода действия, воспринимается как разрушитель легитимного порядка, оказывается, что наша безопасность, стабильность нашей жизни зависит от эффективности борьбы с ним. Несогласию гостя не остается места. Так как мы «традиционно» толерантны и терпимы к тем, кто соблюдает наши правила, у него нет «реальных» оснований для недовольства.

Иначе говоря, данная метафора позволяет рассматривать юридически установленные процедуры регулирования отношений в публичном пространстве как необязательные к исполнению, как подчиненные *интересам хозяев*. Такое отношение к праву предполагает его избирательное применение и подрывает основания *правовой, юридической* системы регламентации жизни в обществе. Публичные действия представителей государства оправдываются из перспективы обычного права, допускается, что они могут действовать на основании собственных представления об общезначимых обычаях. В то же время эта процедура «приватизации» публичного права предполагает, что государство *de facto* присваивает себе право формулировать, защищать и навязывать свое видение значимых обычаев. Система *условностей* – продукт деятельности общественности – оказывается также подорванной как и правовая.

### Этнизация миграции

*Культура как нечто «в глубине души».* В характерной для оборонительного дискурса концепции культуры важное место занимает ландшафт («горы») и климат («юг»), которые определяют характер и направление эволюции человеческого вида. Для обозначения стабильности и неотчуждаемости от индивида выработанных в ходе эволюции навыков и правил общежития их помещают в «кровь» или в «глубину души» («риск, удача, азарт у южного человека – в крови», «большинство выходцев с Кавказа в глубине души патриархальные крестьяне»). Кроме того, используются различные метафоры *кровного родства* с ландшафтом («дети гор» и т. п.). В «кровь» и «душу» помещаются *сущностные черты*, составляющие ядро повседневной культуры, определяющие поведение человека, дающие возможность его предсказывать и т. д.

«В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Рост национального самосознания русских – это факт, который нельзя отрицать. Как нельзя отрицать и того, что в обычаях, традициях, нормах русских и, скажем, народов Кавказа есть глубокие, подчас прямо противоположные различия. Не время и не место их разбирать. Но очевидно, россияне никогда не перейдут бахвальства богатством, показное прожигание денег, даже «легких». Молодые коммерсанты-соотечественники, пытающиеся воспринять этот пример, следовать ему, тут же награждаются презрением близких.

Естественным у многих народов-южан считается помощь бедному родственнику и способствование ему в устройстве на «хлебное» место, клановость при распределении должностей. Россия, всякого понавидавшись, особенно в последние десятилетия, так и не смирилась с растапкиванием начальственных жен и отпрысков по теплым местам.

Но сегодня во многих предпринимательских структурах, коими руководят или владеют представители некоренных национальностей, идет активное вытеснение русских, их места заполняют соплеменники руководителя фирмы (Российская газета. 1993. 24 февр.).

«Большинство выходцев с Кавказа в глубине души патриархальные крестьяне. Выжить в горах очень трудно, а в одиночку практически невозможно. Кроме того, жизнь многих народов заключена в невероятно сложные (с европейской точки зрения) нормы поведения, регулирующие едва ли не каждый шаг и каждое слово. В результате выходцы с Кавказа с детства привыкают в дружеской среде жестко регулировать свое поведение, а в среде, которая кажется им враждебной (в Москве, например), стремятся произвести на окружающих положительное впечатление. А европейцам эта манера «пускать пыль в глаза» кажется шокирующей: все эти рестораны, ящики шампанского, разбрасывание денег (даже если они последние) жестами сеятеля и тому подобное» (Известия. 1999. 13 июля).

Сомнения в естественности и универсальности этнического деления (на «русских» и «народы Кавказа», например) не возникает. Выделяемые характеристики культур («бахвальство богатством», «клановость», «кумовство» и т.п.) и само существование «этнических» различий изображается как объективно установленный факт: «нельзя отрицать», «очевидно», «естественно». Использование таких утверждений и различных метафор («пропасть» и т.п.), обозначающих величину дистанции между культурами и их представителями, позволяет игнорировать сходство людей, вступающих в реальное взаимодействие. Описание ситуации взаимодействия как *встречи культур* предполагает выведение за скобки прагматического аспекта взаимодействия. Тот факт, что люди, например, на рынке встречаются для того, чтобы что-то купить/продать (т. е. как *продавцы* и *покупатели*), оказывается гораздо менее значимым, чем то, какую «этническую» культуру они представляют. Вопрос об эффективности организации такого взаимодействия подменяется вопросом о том, демонстрируют ли *продавцы-как-южане* любовь к *русской* или *петербургской* культуре *покупателей*?

«Риск, удач, азарт у южного человека – в крови. Обращаться с оружием, особенно у горцев, мальчишки обучаются раньше, чем читать. В краях, где земли почти нет, а если есть, то родит плохо, формируется и особая мораль: добыть себе средства для жизни силой не позорно, а почетно. Особенно у чужаков» (Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 27 окт.).

«Как заметил в беседе с корреспондентом «НГ» один из офицеров ФСБ, «кавказская ситуация – это барометр российской власти. На Кавказе уважают только силу. Как только почувствуют слабость, бьют немедленно». Тезис об этом находит подтверждение в Волгоградской области» (Независимая газета. 1999. 14 сент.).

«Горцы/выходцы с Кавказа», приспособившись к внешним условиям, вырабатывает специфические практики обращения с природой и себе подобными (жесткое нормирование поведения в среде «своих», двойной стандарт в отношении других и т.д.). Постоянный дефицит различных ресурсов (в частности, земли), создает конфликтный и конкурентный тип людей, обладающих «особой моралью»: 1) предполагающей самоизоляцию группы от проникновения чужаков, (вос)производство замкнутых сообществ, в частности, «кланов» – патриархального типа семейной организации; 2) базирующейся на оправдании и поощрении агрессивного поведения в отношении всех, не входящих в категорию «свои». Отношение «кавказцев» к «чужакам» репрезентируется как основанное на принципиально иных стандартах справедливости: жизнь «чужака» (его «традиции») оценивается «горцами» гораздо ниже, чем жизнь («традиции») «своих». (Здесь метафора дома переворачивается. Кавказцы у себя дома не считаются с гостями, именно поэтому они так «некультурно» ведут себя, когда приезжают «к нам».) С этим багажом «гости с юга» приезжают в *наш дом*. Такая репрезентация установок «кавказцев» способствует формированию соответствующих ожиданий: вступая во взаимодействие, «мы» воспринимаем себя как потенциальный объект агрессии. Предполагается, что «мы» поставлены «горцами» в позицию «чужака», по отношению к которому – в соответствии с «законами гор» – действуют совершенно иные стандарты поведения, в основе которых лежит сила. «Мы» *вынуждены реагировать на агрессию* – обороняться или предупреждать нападение. Мы *вынуждены прибегать к силе*, так как это *единственный понятный им аргумент*.

Специфика «кавказцев» в том, что они существуют в качестве *особого примера* «народов», от которых «мы» отделены наибольшей культурной дистанцией<sup>20</sup>. «Гости с юга» и «хозяева» описываются как

<sup>20</sup> Среди «народов» бывшего СССР столь же культурно удаленными оказываются «таджики» и «народы Средней Азии».

представители *своих* гомогенных, описываемых в этнических терминах культур. Эти культуры при встрече неминуемо вступают в конфликт, единственный выход из которого – отказ одного из конфликтующих (а именно, «гостей») от своего «устава». Между «нами» и «ними» есть «глубокие, подчас прямо противоположные различия...»<sup>21</sup>: «россияне никогда не переймут бахвальства богатством, показное прожигание денег»; «Россия не смирилась» с «естественной у многих народов-южан клановостью при распределении должностей» и т. д.

«Народы Кавказа» описываются как носители «неприятных для нас» или «опасных» черт; как группа «гостей», пытающаяся подчинить себе «хозяев», контролирующая (или стремящаяся к контролю) над «нашими» ресурсами (например, рабочими местами). Они изображаются так, как будто они один из возможных примеров таких различий: «Нельзя отрицать и того, что в <...> нормах русских и, скажем, народов Кавказа есть <...> подчас прямо противоположные различия» (выделено мной. – ОК). однако, как показывает исследование, разделяющие «русских» и «кавказцев» границы оказываются совершенно непреодолимы.

Для оборонительного дискурса, характеризующегося сочетанием антимигрантского и этноцентричного дискурса, характерно изображение «кавказцев» как инородного элемента, наличие которого не только не отвечает потребностям нашего общества, но и представляет серьезную угрозу его существованию. Поляризованная репрезентация «нас» и «их» формирует представление о нежелательности «их» присутствия в нашем обществе, обосновывает необходимость применения силы.

Для оборонительного дискурса характерно изображение отношений «мы» – «кавказцы» в терминах *нашей* «обороны» от враждебно настроенных «чужаков». Для изображения сторон конфликта используются обобщающие категории, содержащие стереотипные представления о типичных чертах внешности и поведения «русских»/«кавказцев», «местных»/«пришлых». Поляризованная репрезентация «наших» и «их» целей, ценностей, культур становится аргументом как при обосновании тезиса об *их* враждебном отношении к *нам* и опасности *их* присутствия на *нашей* территории (в *нашей* культуре, на *наших* рынках и т.п.), так и при легитимации «защитных» насильственных действий с *нашей* стороны. Неравные стандарты справедливости, желание создать дисбаланс ресурсов (как ответ на агрессивные действия с «их» стороны) и установка на обслуживание собственной группы («хозяев», «истинных петербуржцев», «русских», «коренных» и т.п.) ведет к исключению и дискриминации «кавказцев». При помощи различных лингвистических средств, процедур поляризованной репрезентации «нас» и «их» и т.д. в оборонительном дискурсе происходит моральное исключение «кавказцев» как враждебно настроенных «чужаков».

**Совмещение территориального и национального принципа включения/исключения.** Будучи сторонником так называемой конструктивистской парадигмы (и признавая существование отдельных слабых мест этой позиции), я рассматриваю «этнические» различия как результат процесса приписывания «этнического» смысла некоторым наблюдаемым различиям в поведении, внешности и т.п. Из этой перспективы существующие социальные различия рассматриваются не как «данность» (то, что есть «на самом деле»), ожидающая своего «объективного» описания и «научного» объяснения, но как результат политических и дисциплинарных усилий, плод сформировавшихся в советское время практик их описания, изучения и «регулирования». Тот факт, что эти этнические различия воспринимаются большинством россиян как *очевидные и естественные*, объясняется устойчивостью «этнического» языка и практик социализации, в основании которых заложено убеждение в существовании «природной» (эссенциальной) связи человека с его «этносом», «этнической культурой» и т. п.

Природа существующих социальных барьеров редко является предметом рефлексии «простых» людей, ежедневно их возводящих. Мы привыкли использовать представления о «естественности» различий, существующих между представителями различных «этнических групп», «наций» и т. п. (каждой из них приписывается *своя* «культура», «менталитет», «характер»). Эти привычные представления мы используем, объясняя поведение окружающих нас людей, наблюдаемых нами в повседневной жизни ситуаций. Этнические категории в этом смысле очень «удобны». При помощи категории «кавказец», например, можно сообщить об особенностях внешности, поведения человека, о его гражданстве и/или миграционном статусе. (Квази)этнические категории универсальны, они могут наделяться по меньшей мере тремя смыслами: гражданским (правовым), культурным (этническим), расовым (биологическим) – в смешении этих очень разных смыслов и отсутствии рефлексии по этому поводу коренится современный российский расизм.

Использование этнических категорий как *категорий гражданства* предполагает подчеркивание принадлежности человека политическому сообществу *подданных* того или иного *национального государства*. При этом формально процедура разделения на «мы» и «они» предполагает наличие стандартизованных документов, удостоверяющих принадлежность к «нашим», юридически закрепленную дифференциацию прав «граждан» и «не граждан».

<sup>21</sup> Определение «различий» как «прямо противоположных» само по себе интересно. Можно предположить, что автор таким образом хотел оценить степень «различий».

Использование этнических категорий как *категорий культуры* в российском контексте предполагает признание существования особых, относительно гомогенных «национальных/этнических культур (традиций, обычаев)», «национальных менталитетов», «природными» носителями которых являются представители «этноса». При этом внутри этих «культур» выделяются черты *опасные* («клановость», «стремление решать вопросы силой» у «кавказских/горских народов») и *полезные* («кавказская кухня», «многоголосье» у них же). От первых в «иноэтничном окружении» следует отказаться, а вторые – культивировать, созидая «многонациональную российскую культуру».

Использование этнических категорий как *категорий расы* предполагает актуализацию представлений о специфическом физическом облике, биологических, генетических характеристиках, объединяющих представителей этих категорий. Так слова «кавказцы», «лица кавказской национальности», «азербайджанцы» используются для обозначения *всем известного* «кавказского» сочетания расовых черт: смуглый цвет кожи, темные курчавые волосы, «орлиный» нос и др. Прямым следствием этого является то, что упоминания одной из «кавказских» черт – «подошли двое смуглых мужчин» («знойных брюнетов») – достаточно для того, чтобы читатель *понял*, что речь идет о «кавказцах»/«горцах».

Смешение всех этих смыслов позволяет использовать респектабельные этнические категории (например, «азербайджанцы») или менее респектабельные, но популярные (например, «кавказцы») как эвфемизмы классических расовых категорий типа «черные»<sup>22</sup>.

Как я старалась показать ранее, антимигрантский дискурс оперирует условностями, якобы разделяемыми членами сообщества хозяев (и гостей) неформальными правилами взаимодействия. Под воздействием этого приватизирующего формального право дискурса происходит легитимация незаконных практик дискриминации (в том числе) мигрантов. В свою очередь, этнический принцип категоризации оказывается удобным и наиболее популярным способом приписывания сообществам «исконных» традиций, обычаев и т. п.

Позволю себе напомнить популярное значение категории «этнос»: «основным условием возникновения этноса является общность территории как естественная основа и база объединения людей <...> Под влиянием различных социально-экономических факторов и особенностей природной среды, к которой люди адаптировались и которую они активно используют в производственной деятельности, складывались характерные для этноса черты материальной и духовной культуры, быта, обычаев и нравов, а также других психических характеристик. Наряду с этим вырабатывалось самосознание этническое, видную роль в котором играет представление об общности происхождения и исторических судеб входящих в этнос людей, отражаются представления об отличиях своего этноса от соседних этнических образований. Внешне выражением этнического самосознания является этноним»<sup>23</sup>. Если следовать логике, заложенной в этом определении, то «этносом» может быть как любое территориальное сообщество («коренные/местные жители», «петербуржцы», «кубанцы» и т.п.) «интернациональное» по своему составу, так и любое сообщество, основанное на представлении об общем этническом (кровно-родственном) происхождении (обычно обозначаемое категориями «азербайджанцы», «русские» и т.п.). Такое принципиальное соединение двух смыслов, а точнее двух принципов выделения и обхождения с чужими в одном термине позволяет оправдывать исключение из территориального сообщества под предлогом различий в происхождении и рассматривать этнические сообщества как территориальные. Последствия этих смещений мы наблюдаем повсеместно, и избежать этого можем, лишь критически исследовав процедуры использования категорий, обозначающих этнические и территориальные сообщества.

---

<sup>22</sup> «Эвфемизм», как объясняет нам это академический словарь русского языка, – это «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его грубости, оскорбительности, невежливости и т.д.), например: «ждет ребенка», «в интересном положении» вместо «беременна и т.д.». Словарь иностранных слов то же объяснение формулирует слегка иначе, объясняя, что эвфемизм – это «более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного». И предлагает свой пример: «не сочиняйте» вместо «не врите». (БТСИС, т.3, 1995:392-393)» (Сарнов, 2002:221)

<sup>23</sup> Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Институт социально-политических исследований РАН. 1995. С. 916.